

ОЦЕНКА ГЕТЕРОГЕННЫХ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ЯВЛЕНИЙ КАК КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Рассматривается возможность объективного решения культурологической проблемы определения границ толерантности в отношении гетерогенных социокультурных явлений с позиций рационалистической философии.

Ключевые слова: ценности; нормы; оценка; культура.

В середине XX в. в культурологии в качестве альтернативы эволюционизма начал утверждаться культурный релятивизм. Под эволюционистской точкой зрения (среди ее приверженцев такие ученые, как Э. Тайлор, Л. Морган, Дж. Фрезер) подразумевается представление о том, что путь и идеал развития всех культур един. Культурный релятивизм же – позиция, с которой вскоре после Второй мировой войны выступили такие авторы, как М. Херсковиц и Т. Норсроп (среди тех, кто подготовил почву для нее, можно также назвать Ф. Боаса, М. Мид и Р. Бенедикт) – признает право на уникальность и самоценность любой культуры, пусть даже «примитивной» с точки зрения эволюционизма. В качестве формулировки принципа культурного релятивизма можно привести следующие высказывания М. Херсковица: «признать, что право, справедливость, красота могут иметь столько же проявлений, сколько культур, – это значит проявить не нигилизм, а терпимость» [1. С. 547]; «окончательное определение того, что нормально и что ненормально, зависит от организации отношений в культуре» [1. С. 356]. Как отмечает этнограф С.А. Токарев, практический аспект этого принципа состоит в том, что «нельзя присваивать себе право вмешиваться в жизнь какого-то племени под тем предлогом, что оно неспособно к самостоятельному развитию» [2. С. 298].

Однако должна ли подобная толерантность быть абсолютной, или для нее все же существуют какие-либо границы? А.А. Белик формулирует этот вопрос следующим образом: «...как относиться к ряду явлений культуры в истории и современности, имеющих, мягко говоря, негативное содержание, можно ли требовать уважения к таким “культурным” ценностям, как людоедство, самым различным проявлениям расизма, чудовищным ценностям тоталитарных режимов в виде концентрационных лагерей и массовых казней?...» К сожалению, М. Херсковиц ушел от четкого ответа на такие вопросы» [3. С. 80].

На текущем этапе развития философии распространена тенденция резко противопоставлять рационализм (который объявляется эпистемологическим и идеологическим воплощением власти, насилия над человеком, унификации) и плюралистический подход к отдельным личностям и локальным культурам. Такая позиция характерна для постструктурализма, мишенью же для подобных нападок предстает в первую очередь классическая рационалистическая философия. С другой стороны, не менее (и даже более) часто встречается сегодня резкая критика постструктурализма и постмодернизма, нередко сопровождающаяся отрицанием толерантности как таковой под предлогом утверждения традиционных, «общечеловеческих» или «высших» ценностей. Однако является ли на самом деле рациона-

лизм, научный и философский объективизм антитезой плюрализма и культурного релятивизма и можно ли приравнивать к последним иррационалистический волюнтаризм?

Итак, возможен ли некоторый объективный подход к оценке гетерогенных культурных явлений – от различных форм семейных отношений до одиозных (по крайней мере, с нашей точки зрения) особенностей, указанных А.А. Беликом в приведенной выше цитате? Или же в этой области возможны исключительно субъективные предпочтения либо апеллирование к каким-либо не обосновываемым рационально системам представлений и директив? По сути, это вопрос о возможности объективной оценки ценностей и норм, ведь именно в них выражаются указанные выше явления культурного своеобразия. Ответ на него во многом зависит, разумеется, от того, можно ли считать сами ценностные, нормативные и оценочные суждения суждениями об истине. Если мы считаем их таковыми, то тем самым придерживаемся в их отношении позиции когнитивизма, в противном случае – позиции некогнитивизма (подобно, например, Д. Юму, который писал: «Различия порока и добродетели не основаны исключительно на отношениях между объектами и не познаются разумом» [4. С. 618]). Радикальные сторонники некогнитивизма обычно распространяют его на довольно обширную и разнородную совокупность явлений – от непосредственных личных аффектов до государственных правовых норм, от эстетических предпочтений до этических принципов.

Чтобы попытаться разобраться в том, в какой же мере позиция некогнитивизма применима к таким явлениям, как ценность, норма и оценка, следует для начала четко определить значение этих понятий. И здесь мы сталкиваемся с интересной ситуацией: несмотря на всю распространенность употребления этих слов (особенно в социальных, политических, гуманитарных дискурсах), люди обычно просто не задумываются над их точным смыслом. Что, нужно сказать, является достаточно печальным фактом, потому что на самом деле эти «красивые», но примелькавшиеся слова – фасад, за которым скрывается клубок проблем философии, социологии и культурологии.

Когда же дело все-таки доходит до попыток выяснить содержание понятий и провести дистинкции между ними, единого четкого понимания также нет: «В специальной литературе существуют как традиция противопоставления норм и стоящих за ними Ц., так и традиция сближения Ц. и норм, вплоть до их отождествления» [5. С. 65].

При попытке анализа становится очевидным, что слово «ценность» имеет как минимум три различных значения: А – ценность как объект; В – как свойство

объекта; С – как свойство субъекта (под свойством субъекта здесь подразумевается не что иное, как его мнение по поводу того, какие объекты (в широком смысле) являются ценными). Примеры: а) «эта книга – ценность»; б) «эта книга обладает ценностью»; в) «одна из моих ценностей – иметь возможность читать такие книги». Отметим, что в выражении «ценности и нормы» обычно мы имеем дело с третьим вариантом. Что же касается различных существующих на сегодняшний день определений понятия «ценность», то в них, как это ни печально, произвольно выбирается какой-либо один из данных аспектов.

Дадим следующее определение понятия «ценность»: *ценность (А) – это то, что субъект считает благом. (Либо: ценность (С) – это позиция субъекта по поводу того, что для него является благом.)*

Что касается понятия «норма», то в словарях и энциклопедиях, как общих, так и специальных, практически нет его определений как такового, в них много лишь статей о нормах чего-то и нормах каких-либо. Почему? Может быть, смысл этого понятия является очевидным, не требующим пояснений? Нет, оно не только вариативно в своих многочисленных конкретных приложениях в различных областях, но и, при отсутствии уточнений, достаточно неопределенно по сути. В ходе уточнения можно выделить три смысловых аспекта этого понятия. 1. Количественный аспект: под нормой могут подразумеваться различные состояния – от максимально допустимого количества недостатков до идеала. 2. Наличествующее и целевое: норма как значение каких-либо показателей у наличествующих объектов безотносительно цели и как целевое значение, которое нужно поддерживать либо к которому нужно прийти. 3. Состояние и процесс. В третьем пункте имеется в виду то, что под нормой часто подразумевается не просто характеристика состояния (наличного или должного) как таковая, а правило, принцип, закон деятельности, поведения. Думается, что понимание в социально-гуманитарном контексте норм как правил, моделей, принципов деятельности целесообразно; по крайней мере, оно соответствует сложившейся традиции, и мы далее будем придерживаться такого употребления этого термина, по умолчанию подразумевая под нормами нормы деятельности.

Каково же соотношение между категориями «норма» и «ценность»? Представляется правомерной следующая позиция по этому поводу: «Необходимое условие действительности Н. с. – их обоснованность с точки зрения соответствия их принятым в данном обществе ценностям и идеалам, по отношению к которым нормы выполняют подчиненную, инструментальную функцию» [6]. Исходя из этого, дадим следующее определение: *норма – это в той или иной степени универсализированный способ реализации ценности (С).*

Основные позиции относительно онтологического статуса ценностей, сложившиеся в истории философии, принято подразделять (по наиболее распространенной в отечественной литературе классификации, введенной М. Кисселем, см. [7]) на: аксиологический трансцендентализм (В. Виндельбанд, Г. Риккерт); персоналистический онтологизм (М. Шелер); культурно-исторический релятивизм (В. Дильтей); натурали-

стический психологизм (А. Мейнонг, М.Б. Перри, Дж. Дьюи, К. Льюис); социологизм (М. Вебер). К сожалению, рассмотреть подробно их специфику и соотношение между ними в рамках данной краткой статьи не представляется возможным. Однако стоит отметить, что первым из этих направлений присуща категориальная ошибка, состоящая фактически в отождествлении категорий «ценность» и «норма» или подмене одной из них другой. Если о ценностях говорится как о чем-то, что универсально в ракурсе долженствования, т.е. чего должно придерживаться всем, то понятие ценности подменяется понятием должного, нормы. Это ошибка, которая делается всегда, когда ценности рассматриваются как нечто лежащее вне субъекта. Что касается трех последних подходов, то, думается, во всех из них есть своя доля истины.

Важно отметить, что понятие «субъект» в данном выше определении понятия «ценность» используется в том смысле, в каком его использовал Декарт. Натуралистический психологизм нередко критикуют, говоря о недопустимости отождествления ценностей с физиологическими потребностями (например, в [7]). По этому поводу нужно сказать, что физиологические потребности сами по себе действительно не тождественны ценностям. Однако, напротив, исполнение таких потребностей и сами такие потребности обычно являются ценностями (А) для субъекта в том смысле, что они оцениваются им положительно. Тем не менее – именно что обычно, потому что могут существовать такие системы ценностей, в которых это не так (например, крайние формы аскетизма).

Это хорошо показывает, что ценности (С) имеют фундаментально субъективную природу; их выбор, в его исконной сущности, является аффективно-волевым актом конкретного, единичного субъекта. Это тот аспект рассмотрения ценностей, в котором правомерен некогнитивистский подход. Важно отметить, что это не исключает детерминации их для субъекта внешними, объективными факторами – как детерминации непосредственно каузальной (особенностями физиологии, суггестивным влиянием общества и отдельных людей и т.п.), так и детерминации рациональным обоснованием своего выбора, осуществляемым самим субъектом сознательно. Такая детерминация, разумеется, в какой-то степени имеет место, но даже если она является тотальной, это не противоречит осуществлению субъектом свободного выбора на феноменальном уровне. И даже если (как это часто бывает) биографически фактически самостоятельного выбора субъектом какой-либо ценности нет (например, когда он нерелексивно принимает ее от общества), любая из ценностей как бы санкционируется субъектом на уровне самосознания.

Можно ли говорить, что ценность объекта является истинным его значением для субъекта? Разумеется. Однако нельзя сказать, что существует ценность какого-либо объекта, истинная для всех субъектов благодаря самой себе. Приведенный выше пример отчетливо показывает, что ценность одного и того же объекта (объекта в широком смысле – физического здоровья) является разной для таких субъектов, как, допустим, спортсмен и радикальный аскет; и различается она для них благодаря их выбору.

Наконец, для того чтобы попытаться дать ответ на вопрос о возможности объективной оценки в ценностно-нормативной сфере, нужно определить смысл и самого понятия «оценка». Как видно из внутренней формы этого слова («о-ценка»), исходным значением его является соотношение чего-либо с ценностью, определение ценности чего-либо. Можно ли тогда вообще говорить об объективной оценке, учитывая показанную выше принципиально субъективную природу ценностей? И да и нет. Здесь нужно учесть, что, помимо только что названного коренного значения этого понятия («соотнесение с ценностью»), в настоящее время у слова «оценка» есть и другое значение, а именно – просто вынесение суждений о чем-либо без достаточной осведомленности, достаточной точности. И в том и в другом случае об «оценке» говорят потому, что в суждениях вмешивается субъективность; однако если в первом случае эта субъективность, некогнитивность является принципиальной, т.к. она представляет собой сущностную характеристику феноменов данной сферы (это происходит, когда субъект оценивает что-то для себя с позиции своих личных ценностей), то во втором случае субъективностью является лишь неточность, которую, в принципе, теоретически можно избежать (как, например, в выражении «по оценкам экспертов, в следующем году инфляция составит 20%» и подобных).

Однако понимание этого все еще ничего не говорит нам о том, возможно ли ставить вопрос об объективной оценке гетерогенных социокультурных явлений. Чтобы разобраться с этим, наиболее важно, рассматривая место объективности и субъективности в сфере ценностей и оценок, понять их соотношение в аспекте межсубъектных взаимодействий. Для этого в первую очередь определим релевантность и смысл понятия «субъект-субъектные отношения». Как пишет С.Л. Комарова, «...психологические отношения часто анализируют в рамках связей субъект – объект и субъект – субъект. Межличностные отношения при этом всегда рассматриваются как “субъект-субъектные” связи. <...> В работах ведущих советских психологов разработаны теоретические положения о специфике субъект-субъектных отношений. <...> [Б.Ф. Ломов] отмечает, что <...> “в общении людей проявляются те свойства, которые характеризуют их как субъектов”» [8]. Однако В.А. Лекторский считает, что «нередко встречающееся в отечественной философской литературе противопоставление двух типов отношений – субъектно-объектных и субъектно-субъектных – в действительности лишено оснований. Оно основано на неправомерном отождествлении объекта с физической вещью. В действительности объектом может стать все, что существует» [9. С. 157]. На чьей же стороне истина? Думается, что правильными следует считать обе позиции, однако каждая из них правомерна по-своему. С некоторой долей условности точку зрения, с которой говорится о существовании субъект-субъектных отношений, можно назвать онтологической, а точку зрения В.А. Лекторского – гносеологической. С онтологической точки зрения существует много субъектов, т.е. грубо говоря, сущностей, обладающих способностями к осознанию реальности и спонтанности. Однако с гно-

сеологической точки зрения каждый субъект сам для себя является единственным субъектом, т.к. чужая спонтанность не является спонтанностью для него; для него она является объективным явлением, как объективно все остальное в окружающем мире. То же самое касается и осознания реальности: непосредственно субъект видит мир только со своей точки зрения (это обстоятельство стало предметом анализа у М.М. Бахтина). Однако, несмотря на это, субъект, по крайней мере, если им является хорошо психически развитый современный человек, осознает, что субъектность присуща не только одному ему в целом мире, но и другим; поэтому в этом ракурсе можно говорить о существовании субъект-субъектных отношений с их психологической, этической и другой спецификой.

С учетом вышеизложенного становится ясно, в чем состоит объективный подход к оценке гетерогенных явлений в ценностно-нормативной сфере (как на микро-, так и на макроуровне). Мы вполне объективно можем говорить о *самом наличии* у субъектов ценностей (которые проявляются в их физической и символической деятельности, а также доступны нам на собственном примере посредством интроспекции). Эти ценности могут быть разными, они субъективны. Однако ценностями субъекта является все то, в чем он видит благо для себя. Соответственно, мы вполне объективно можем говорить, что реально существует такая категория, как благо субъекта. Именно она и является основополагающей этической категорией. Несмотря на то что ценности субъективны, благо субъекта (которое состоит в реализации этих субъективных ценностей) объективно. Интересно отметить, что эта объективность имела бы место даже в берклианском мире (казалось бы, насквозь субъективным).

Думается, это и должно лежать в основе этики при ее объективном понимании. Главным (и, по сути, единственным) этическим принципом является соблюдение блага субъектов. Его можно выразить известной кантовской формулировкой: каждый имеет право на свободу в тех пределах, в каких она не нарушает свободу другого [10. С. 140]. Иными словами, каждый имеет право жить в соответствии с собственными ценностями, но в тех пределах, в каких он этим самым не нарушает права на это другого. Все фундаментальные законы нравственности – не убий, не укради и другие – восходят к этому принципу. Те же предписания, которые не восходят к нему, не являются собственно этическими. Понимание этого позволяет отделять зерна от плевел в сфере норм поведения. Конечно, на это можно возразить так: следует ли вообще соблюдать благо людей? Разве ответ на этот вопрос не является сам по себе не обосновываемым объективно выбором? Однако даже если он является таковым, описанный выше принцип хотя бы позволяет при условии выбора этой общей гуманистической стратегии оценить вполне объективно с данной позиции более конкретные нормы. В то же время стоит отметить, что именно поэтому здесь все же следует говорить об оценке, а не о каких-либо других формах анализа.

Теперь, с этой точки зрения, мы можем объективно оценить указанные А.А. Великом в вышеприведенной цитате явления. Людоедство и другие формы физиче-

ского и духовного насилия над субъектом являются объективно неприемлемыми явлениями, подлежащими искоренению, т.к. насилие над человеком и его убийство объективно нарушают его благо (за исключением тех случаев (если они возможны), когда сама жертва совершенно осознанно добровольно принимает такую участь; тогда это и не является насилием в строгом смысле слова). То же относится и к расизму как к неприемлемой стратегии отношения к личности. То же – и к тоталитаризму, или, точнее говоря, фашизму как форме общественного устройства, подавляющей свободу личности.

В той же мере, в какой локальные социокультурные особенности не подавляют, а воплощают интересы каждого конкретного субъекта, они должны оставаться неприкосновенными извне (будь то различные формы брачных отношений, суровые обряды, если их проведение одобряется (реально, а не под принуждением) самими представителями тех культур, в которых они практикуются, и т.п.). Разумеется, можно представить себе ситуацию, когда субъект, каким-либо образом оказавшийся членом некоторого социокультурного единства (например, по рождению), не разделяет ценностей других представителей этого единства. В идеале в таком случае ему должна быть предоставлена возможность выйти из этой общности. С другой стороны, однако же, здесь нельзя не упомянуть следующую весьма важную проблему: в жизни нередко имеют место ситуации, когда субъект сначала чего-то хочет, а потом приходит к мнению, что это что-то на самом деле не было ему во благо. С учетом этого становится ясно, что определенного рода насилие, известное как *воспитание*, осуществляемое над субъектом обществом и культурой, является необходимостью для собственного блага этого субъекта и формирования его как полноценного члена общества. Однако, думается,

понимание этого не отменяет обозначенного выше гуманистического принципа главенства блага субъекта как высшего идеала. Вопрос о том, каким образом возможно сочетание этих принципов, весьма труден и не может быть решен в рамках данной статьи. Стоит упомянуть, что Г.С. Батищев в своей книге «Введение в диалектику творчества» в качестве альтернативы плюрализму в его обычном понимании предложил модель «полифонического» общественного бытия [11].

В заключение хотелось бы сказать, что в связи с осуществленным выше разграничением ценностного и этического аспектов человеческого бытия можно предложить в этом же смысле понимать и разграничение эстетики и этики. Такое понимание может показаться противоречащим традиции и недостаточно обоснованным, поэтому его можно рассматривать лишь как гипотетическое. Преимуществом такого подхода является то, что он объясняет тотальность эстетического, которую В.М. Видгоф охарактеризовал следующим образом: «Эстетическое выступает системным свойством, выражающимся в различного рода модификациях, показывающих противоречивый процесс становления сущности человека и его свободы» [12. С. 106]. Действительно, мы часто называем «красивыми» (или «некрасивыми») и поступки, и научные теории, и шахматные партии, и многое другое. Ценностное же отношение также возможно по отношению к любым объектам окружающего субъекта мира. Достаточно общепризнанна субъективность, некогнитивность эстетических предпочтений: «о вкусах не спорят». Однако эстетика не является просто областью абсолютно свободного выбора предпочтений, т.к. в ценностях субъекта присутствует и элемент объективной детерминации – особенностями природы и культуры местности, в которой он живет, физическими и математическими законами, сознательно избираемыми принципами этики.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Herskovits M.* Cultural Anthropology. N.Y., 1955.
2. *Токарев С.А.* История зарубежной этнографии. М., 1978.
3. *Белик А.А.* Культурология. Антропологические теории культур. М.: РГГУ, 1999.
4. *Юм Д.* Трактат о человеческой природе // Дэвид Юм. Соч.: В 2 т. М., 1965. Т. I.
5. *Абушенко В.Л.* Ценность // Социология: Энциклопедия. Минск: Книжный дом, 2003.
6. *Толстых А.В.* Нормы социальные // Социальная психология. Словарь. М.: ПЕР СЭ, 2006.
7. *Каган М.С.* Философская теория ценности. СПб., 1997.
8. *Комарова С.Л.* Оптимизация отношений субъектов политической деятельности: Дис. ... канд. психол. наук. М., 2002. URL: http://lit.lib.ru/k/komarowa_s_l/text_0010.shtml
9. *Лекторский В.А.* Эпистемология классическая и неклассическая. М.: Эдиториал УРСС, 2001.
10. *Кант И.* Метафизика нравов // Иммануил Кант. Соч.: В 6 т. М., 1965. Т. 4 (2).
11. *Батищев Г.С.* Введение в диалектику творчества. СПб.: Изд-во РХГИ, 1997.
12. *Видгоф В.М.* Эстетическая реальность как предмет философской рефлексии // Вестник Томского государственного университета. 1999. № 268. С. 102–106.

Статья представлена научной редакцией «Культурология» 10 октября 2010 г.